

Российская национальная библиотека
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

ЦЕНзуРА В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Санкт-Петербург
2023

УДК 351.751.5
ББК 4610.3-7
Ц 33

Редколлегия:

В. Р. Фирсов (председатель), Л. П. Громова, В. С. Измолик, М. Б. Конашев, Дж. Пешио

Составление и научная редакция:

М. Б. Конашев (отв. ред.), Г. А. Мамонтова, Н. Г. Патрушева

Редактор:

Ю. А. Симарова

Рецензенты:

Д. А. Эльяшевич, доктор ист. наук, Г. И. Смагина, доктор ист. наук

Цензура в России: история и современность = *Censorship in Russia: history and the present* : сборник научных трудов. Вып. 11 / Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН ; редколлегия: В. Р. Фирсов (председатель) [и др.]. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2023. – 655 с.

В сборнике рассматривается комплекс проблем, связанных с историей цензуры в дореволюционной России и Советском Союзе. Представлены работы по законодательству о печати, цензурной практике, надзору за книжной торговлей, драматической и нравственной цензуре. Уделено внимание проблемам гласности, истории спецхранов.

Сборник представляет интерес для историков, литературоведов, журналистов, библиотечных работников, для всех, интересующихся историей культуры.

Editorial Board:

V. R. Firsov (Chair), L. P. Gromova, V. S. Izmozik, M. B. Konashev, J. Peschio

Compiled and edited by:

M. B. Konashev (editor-in-chief), G. A. Mamontova, N. G. Patrusheva

Edited by:

Iu. A. Simarova

Reviewed by:

D. A. Elyashevich, doctor ist. nauk, G. I. Smagina, doctor ist. nauk

The collection deals with a complex of problems related to the history of censorship in pre-revolutionary Russia and the Soviet Union. Works on press legislation, censorship practices, supervision of the book trade, dramatic and moral censorship are presented. Attention is paid to the problems of publicity, the history of special stores.

The Collected Papers are of interest to historians, literary specialists, journalists, and all concerned with the history of culture.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета РНБ

Подписано к печати 6.10.2023. Формат 60×84/16. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 41,0. Уч. изд. л. 39,0. Печать по требованию. Заказ № 71

Издательство Российской национальной библиотеки. Редакционно-издательский отдел.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

ISBN 978-5-8192-0645-4

© Российская национальная библиотека, 2023

© Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, 2023

**ПОД ОПЕКОЙ И КОНТРОЛЕМ «НЕМЕЦКОЙ ПАРТИИ».
ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ ФРАГМЕНТОВ
ВОСПОМИНАНИЙ Н. И. ГРЕЧА И Ф. В. БУЛГАРИНА**

D. A. Badalian

Under the Supervision and Surveillance of the «German Party». From the History of the Publication of Fragments from the Memoirs of N. I. Grech and F. V. Bulgarin

Abstract

Using archival sources, this article examines the circumstances around the appearance in print of two publications that were later included in the memoirs of N. I. Grech and F. V. Bulgarin. These journalists were united not only by their time as colleagues at the newspaper «Severnaia pchela» and the journal «Syn otechestva», but also by their place among the clientele of the Imperial Court's «German party». Thus, the focus here is primarily on the reaction evoked by these two publications among the highly-placed representatives of the «German party» — namely, the reactions of Count A. Kh. Benkendorf and L. V. Dubel't to Grech's memoirs in 1839, and the reaction of Baron M. A. Korf to Bulgarin's memoirs in 1848.

Соиздатели газеты «Северная пчела» и журнала «Сын отечества» Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более чем кто-либо из отечественных журналистов отличились многократной сменой своих патронов: Греч в 1812—1818 гг. пользовался опекой С. С. Уварова и отчасти — О. П. Козодавлева, а в последующие годы уже оба журналиста прибегли к покровительству князя А. Н. Голицына, затем, с 1824 г., — А. С. Шишкова и графа А. А. Аракчеева и, наконец, с 1826 г. — последовательно целой плеяды руководителей III отделения Собственной е. и. в. канцелярии: М. Я. фон Фока, А. Х. Бенкендорфа, Л. В. Дубельта, графа А. Ф. Орлова. С этим учреждением связан и другой своего рода рекорд: «Северная пчела» и «Сын отечества» продолжительнее, чем какие-либо иные издания, находились под протекцией III отделения. Его покровительство избавляло Греча и Булгарина от многих неприятностей. К примеру, их единственная частная политическая газета обладала таким статусом, что и отдельные лица, и государственные сановники, если хотели пожаловаться на ее издателей, обращались не к министру народного просвещения (в ведении которого находилась цензура), а непосредственно к начальнику III отделения как неофициальному патрону

«Северной пчелы»¹. И по меньшей мере однажды, в декабре 1843 г., так поступил сам министр Уваров².

Надо подчеркнуть, что III отделение все время своей деятельности (а в первые два десятилетия особенно энергично) отстаивало интересы «немецкой партии»³. Под этим термином в первую очередь понимается именно придворная «немецкая партия». Однако в то время точно так же называли отдельные неформальные группировки, которые существовали в разных иных сферах: в армии и на флоте, среди университетских профессоров, медиков и прочих. Эти этнокорпоративные объединения нередко сообщались одно с другим «горизонтальными» связями, а порой пользовались «вертикальными» связями, иначе говоря, патрон-клиентскими отношениями, соединявшими их верхушки с придворной «немецкой партией». Причем для налаживания связей и включения в ту или иную корпорацию немецкое происхождение было желательным, но не обязательным условием⁴. Точно так же и в высших слоях: для того чтобы войти в круг безнациональной по своему самосознанию, космополитичной дворянской элиты, претенденту нужно было руководствоваться интересами европоцентричного космополитизма. Например, как верные сторонники «немецкой партии» проявляли себя с 1840-х гг. светлейший князь А. А. Суворов и граф А. Ф. Орлов, а позднее — П. А. Валуев, граф П. А. Шувалов и А. Е. Тимашев. Впрочем, и они отличались один от другого оттенками мотивации и позициями. Так, Суворов, Валуев и Шувалов были включены в матрикулы остзейского дворянства, что обеспечивало им привилегии немецких дворян. Первый — в 1849 г., двое других — в 1865 г. Орлову в 1848 г. также был предложен диплом лифляндского дворянина, но он от него отказался⁵, а Тимашев подобного предложения, возможно, и не получал.

То же самое мы видим в среде литераторов, журналистов и ученых: к примеру, А. Х. Востоков (Остенек), В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, а позднее и В. И. Даль были искренне озабочены развитием русской культуры и русского национального сознания. Поэтому трое из них столкнулись с интригами или цензурными репрессиями, организованными «немецкой партией»⁶. А вот Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский (редактор журнала «Библиотека для чтения»), заручившись покровительством этой «партии», многие годы и даже десятилетия могли выпускать свои издания.

Если, обращаясь к событиям эпохи бироновщины, Н. Н. Крючков отмечает, что «при ближайшем рассмотрении немецкая партия оказывается не такой уж этнически однородной, к тому же расколотой на несколько группировок»⁷, то мы то же самое можем отнести к правлению Николая I и Александра II. Внутри «партии» существовали и нередко противоборст-

вовали разные группировки⁸. И даже первый известный нам случай употребления термина «немецкая партия» в делопроизводственной практике связан, судя по всему, с трениями, возникшими внутри этой группировки между фракциями немцев-иностранцев и немцев-остзейцев. Так, Булгарин в июне 1828 г. в адресованной Бенкендорфу «Секретной газете», пытаясь скомпрометировать Е. Ф. Канкрин, заявил, что намерение того покинуть Россию (возможно, лишь инкриминируемое ему) «приводит в соблазн не только русскую, но и немецкую партию»⁹.

С подобного рода противоречиями, пусть и разной степени остроты, время от времени возникавшими внутри «немецкой партии», связаны оба представленные здесь эпизода.

I.

Привилегированное положение Греча и Булгарина, когда они допускали оплошности, разумеется, обеспечивало им снисходительное отношение их патронов из «высшей полиции». Сам Греч рассказывал: «При каком-либо доносе, промахе или недоразумении идешь к фон Фоку или к Дубельту или прямо к Бенкендорфу и к Орлову, объяснишь дело, оправдаешься или получишь замечание; тем и кончится»¹⁰. В то же время покровительство III отделения накладывало на «Северную пчелу» дополнительные обязательства. Примером чему — случай, произошедший с Гречем в 1839 г.

В феврале того года он поместил в «Северной пчеле» очерк «Начало „Сына отечества“»¹¹ (который спустя десятилетия вошел в том «Записок» Греча в качестве седьмой главы). Автор рассказывал в нем о некоторых обстоятельствах, связанных с созданием им этого журнала. Отметим, что «Сын отечества» явился первым в ряду пяти периодических изданий, учрежденных в 1812—1813 гг. для ведения антинаполеоновской пропаганды по предложению и при поддержке С. С. Уварова, служившего тогда попечителем С.-Петербургского учебного округа. Причем издателями этих четырех частных изданий и редактором одной полуофициальной газеты стали именно петербургские немцы.

И хотя спустя четверть века отношения Греча и тогда уже министра народного просвещения Уварова были не столь теплые и беспроблемные, как прежде, автор очерка не стал скрывать его участие в этом деле, а лишь придал ему вид едва ли не частной инициативы¹². Добавим, что сам Греч в «Записках» отметил: публикацию этого очерка он согласовал с министром¹³.

Однако по прошествии около полутора месяцев после выхода его в свет, во второй половине марта, в III отделении получило ход следующее письмо.

«К величайшему нашему удивлению, в № 28 „Северной пчелы“, которую читает большая часть русских читателей, и многие из них повторяют и присвоивают себе мнения сей газеты, нашли мы мнение, справедливо возбуждающее наше прискорбие. Г. Греч в упомянутом листке сообщает отрывок из своей биографии, где он старается уверить читателей, будто бы жители прибалтийских провинций Российского государства не одушевлены истинною любовью к царю, и сравнивает их с людьми, живущими в доме по найму, которые многолетнею привычкою привязаны к своему жилищу, но в случае пожара равнодушно собирают свои пожитки и спокойно переезжают на другую квартиру. Таковое неосновательное мнение не заслуживало бы нашего возражения, если бы оно было произнесено не г. Гречем — одним из карифеев русских литераторов. — Может ли, спрашиваем, г. Греч сказать остзейским провинциям: „Вы немцы! Вы не любите вашего монарха!“ Ежели он вспомнит о достопамятной войне против Наполеона, когда дворянство и граждане тех провинций с такою же готовностью, как и другие русские, жертвовали своим достоянием и жизнью за святое право монарха; может ли он утверждать, „что они не постигали, что значит ненависть к чужеземному владычеству, не постигали, что невозможно присягнуть кому-нибудь кроме Русского императора“. Никогда жители остзейских провинций не заслуживали такого обидного упрека, ибо сама история учит нас, что они, сохранив с германским происхождением и немецкую верность, были всегда преданы своему государю, и более 150 лет мы видим в русской службе, как на военном, так и гражданском поприще, мужей, которые в высших должностях всегда отличались и теперь отличаются преданностию к престолу. Этого, верно, никто отрицать не будет. Поставив жителей прибалтийских провинций в такое отношение к России, в каком находится постоялец к нанятому дому, г. Греч хотел сказать, что немцы не славяне, и остзейские провинции не Россия, и, смешивая умышленно идею о России с понятием о Российском государстве, состоящем из различных земель, он явно вменяет в преступление происхождение Прибалтийских губерний, коим жители справедливо гордятся; но происхождение не мешает любви к монарху, что и сам г. Греч, которого отец, как говорят, был богемец, без сомнения, понимает. Любя же русского монарха, нельзя не любить России, ибо в нашем понятии государь и Россия одно нераздельное, а ежели бы Россию постигло несчастье, то можно быть уверены, что жители прибалтийских провинций не переехали бы, как полагает г. Греч, на другую квартиру, но защищали бы до последней капли крови землю любимого монарха и свои дома от угрожающей опасности. Но довольно о неосторожном выказанном мнении г. Греча;

он сам, вероятно, уже сознался в неосновательности своих суждений и отречется от них»¹⁴.

Этот текст, переписанный писарским почерком, без подписи и указания имени адресанта — так обычно поступали с донесениями, находящимися в делопроизводстве в III отделении, когда их могли увидеть посторонние — сохранился в личном архиве Греча. Он был передан журналисту с пометой управляющего этим ведомством (который вступил в должность только в марте 1839 г.):

«Граф Александр Христофорович просит вас, любезный Николай Иванович, ежели можно, напечатать эту статью в „Северной пчеле“.

Душевно вам преданный

Л. Дубельт.
24 марта»¹⁵

Очевидно, что автором этой статьи, а точнее письма, адресованного — заметим — не в редакцию газеты, а в III отделение, являлся немец-остзеец. Об этом свидетельствует весь пафос письма, направленного в защиту «жителей прибалтийских провинций». Вероятно, особенно возмутили автора слова Греча, относящиеся к «достопамятной войне против Наполеона», когда, как писал тот, остзейцы «не постигали, что значит ненависть к чужеземному владычеству, не постигали, что невозможно присягнуть кому-нибудь кроме Русского императора».

Сказанное Гречем, хотя и в мягкой форме, отражало реальное положение дел. И в наибольшей степени это касалось дворян Курляндской губернии, вошедшей в состав Российской империи в 1795 г., то есть позднее двух других прибалтийских губерний. С приходом наполеоновских войск отнюдь не все из них проявили верность Российскому императору. Тем не менее Александр I в Указе от 31 декабря 1812 г. заявил о прощении «курляндских жителей, вступивших в отправление должностей, порученных неприятелем». Император объявил, что предает их «проступок» забвению и запрещает «впредь чинить какое-либо по делам сим притязание или изыскание»¹⁶.

Добавим, что отношение остзейских немцев к стране, в которой они жили, и к ее власти не претерпело существенных изменений и спустя полвека. Уже в 1862 г. И. С. Аксаков писал об остзейцах: «Преданные Русскому престолу — они (...) проповедуют в то же время бой на смерть *Русской народности*; верные слуги Русского *государства*, они знать не хотят Русской *земли*. Для них существует Россия — только как Российская империя, а не как Русь, не как Русская земля»¹⁷. Сам Греч не был остзейцем. Дед его

приехал в Россию из Пруссии, отец родился в Петербурге, а младший брат Александр, поручик артиллерии, в 1812 г. умер от ран, полученных в Бородинском сражении. Это давало ему основание подчеркивать свое отличие от тех, кто любит Россию, словно дом, в котором живут по найму.

Возможно, дополнительным обстоятельством, подтолкнувшим Греча к почти нарочитой демонстрации отличия своего патриотизма от чувств иностранцев и остзейцев, явились события годовалой давности: 2 февраля 1838 г. отмечалось 70-летие И. А. Крылова, к которому был приурочен и полувековой юбилей его творческой деятельности. Уваров (в скрытом противостоянии с которым находился Бенкендорф) вместе с враждебными Булгарину и Гречу «литературными аристократами» превратил крыловский юбилей в яркий праздник национальной культуры. Восприняв это торжество как враждебную акцию, Булгарин и Греч проигнорировали его. Однако вскоре оказалось, что устройство такого праздника было одобрено Николаем I, и они были вынуждены оправдываться перед Бенкендорфом, который и сам, исполняя волю императора, принял участие в этом событии.

Особенно усердно заглаживать свою вину пришлось тогда именно Гречу, так как он отказался не только от участия в празднике, но и от предложенного ему В. А. Жуковским распространения подписных билетов на него¹⁸. Вероятно, после этого он переоценил силу влияния на императора «русской партии» и, стремясь соответствовать «духу времени», предпринял, пусть и временное, сближение с Уваровым¹⁹, а также акцентировал в воспоминаниях свои патриотические чувства.

Однако то, что при этом Греч усомнился в патриотических чувствах остзейцев, тут же вызвало раздражение противоположной «партии». Раздражение тем более острое, что автор воспоминаний и сам к ней принадлежал, а некоторые только что опубликованные им суждения позволяли истолковать как, пусть и не явное, стремление дистанцироваться от этой «партии». Такое, с точки зрения ее лидеров, не могло быть допустимо.

Разумеется, издатель «Северной пчелы» и в мыслях не смел отказать в просьбе Дубельту. Полученное письмо Греч подготовил к публикации, снабдив заглавием «Замечания на статью „Северной пчелы“» и одним-единственным примечанием. К словам «Греч, которого отец, как говорят, был богемец» внизу листа рукой самого Николая Ивановича сделана ссылка: «Т. е. прапрадед. *Прим. изд.*»²⁰. Этим, казалось бы, незначительным уточнением он, вероятно, стремился аккуратно подчеркнуть дистанцию, отделявшую его, уроженца России, от заезжих иностранцев.

Однако на этом Греч не остановился, а подготовил «Ответ» на упреки в свой адрес. Он передал его на рассмотрение Бенкендорфу, чтобы с разре-

шения того напечатать в газете вслед за «Замечаниями». Свою защиту Греч строил на том, что неизвестный оппонент неверно истолковал рассказ о его чувствах, вызванных событиями первых месяцев Отечественной войны.

«Ответ

В оправдание свое привожу точные слова обвиняемой статьи и присовокупляю к ним несколько пояснений.

Вот что напечатано в № 28 „Северной пчелы“: „Я принадлежал к числу тех людей (в 1812 году), которые с самого начала этой грозной войны, если не поняли, то внутренним чутьем ощутили ее важность, ее святость; я не помнил, не знал ничего более, кроме того, что нам должно победить или пасть с честью <...> Товарищи мои были люди благонамеренные и почтенные, но большею частью * иностранцы **: они не постигали, что значит ненависть к чужому владычеству, не постигали, что невозможно присягнуть кому-нибудь, кроме Российского императора. Они любили Россию как мы любили бы дом, в котором живем по найму: в случае пожара станем усердно его отстаивать, но потом спокойно переедем на другую квартиру. Они дивились моему иступлению и сердились на выходки, в которых доставалось и Рейнскому союзу“²¹.

Спрашиваю: где говорится здесь об *остзейских* провинциях? И не исключено ли именно *дворянское* сословие, за которое, по-видимому, преимущественно вступается автор статьи? Я не говорил вообще и о гражданах остзейских, а только имел в виду тесный круг тогдашних моих товарищей, и под уроженцами немецких провинций разумел тех иностранцев (и детей их), которые на основании старинных привилегий Риги, Ревеля, Дерпта и др. приезжают туда из Германии и пользуются правами тамошнего гражданства: некоторые из них остаются там или переселяются в Петербург; иные возвращаются в Германию. Они не понимают русского языка, не знают России и остаются при своих немецких понятиях, при своем образе жизни. Могут ли они любить Россию, как любят ее русские, и можно ли, без явной несправедливости, этого с них требовать? — Что же касается до дворянства остзейского, если бы я дерзнул изъявить малейшее сомнение насчет его приверженности к России и ее государю, то поступил бы несправедливо и бессовестно. Стоит войти в залу дворянского собрания в Ревеле: стены ее покрыты именами эстляндских дворян, положивших живот в честной брани за отечество. Не нужно предполагать, как делает автор статьи, неприятель-

---

* Далее зачеркнуто: «или».

** Далее зачеркнуто: «или недворянские уроженцы немецких провинций России».

ского нашествия на Россию для испытания непоколебимой верности остзейского дворянства. Этот ответ имели мы в 1812 году при занятии неприятелем Курляндии: мы видели блистательное поведение курляндских дворян, которые все, без исключения, явно и гласно доказали, как они понимают святость присяги и верность к Российскому императору»²².

Надо подчеркнуть: во фрагменте, переписанном Гречем из его публикации в 28-м номере «Северной пчелы», допущено несколько разночтений с первоначальным газетным текстом. Часть из них никак не меняет смысла его слов и, вероятно, произошла случайно. Однако в двух-трех случаях автор допустил изменение смысла оригинала сознательно, чтобы оправдать себя перед руководством III отделения.

Главное, что исправил Греч, указано в наших текстологических примечаниях к его «Ответу»: во фразе «Товарищи мои были люди благонамеренные и почтенные, но большею частью или иностранцы, или недворянские уроженцы немецких провинций России» автор вычеркнул оба союза «или» и все слова, следовавшие за вторым из них. Сделал он это в черновике, который сохранил у себя в качестве копии (и по нему-то приведен здесь «Ответ»).

Греч, чье окружение в молодые годы составляло петербургское незнатное дворянство, среди которого было немало немцев (что видно по его «Запискам»), когда готовил очерк воспоминаний, скорее всего, умышленно адресовал свои упреки именно «недворянским уроженцам немецких провинций России». Вероятно, он полагал: такая уловка избавит его от возможных трений с остзейскими дворянами, которые составляли высший слой общества в прибалтийских губерниях и основу «немецкой партии» в остальной России. Однако его неизвестный оппонент проигнорировал то, что автор воспоминаний нигде прямо не обмолвился об остзейских дворянах, и обвинил издателя «Северной пчелы» в несправедливости ко всем прибалтийским жителям. В ответ на это и Греч пошел на хитрость, исправив в подготовленном им тексте ключевую в этой ситуации фразу.

Кроме того, он, вероятно, также сознательно заменил выражение «Русский император» на более нейтральное «Российский император». Сделано это было для того, чтобы не раздражать придиричивых оппонентов. Наконец, во фразе «Они любили Россию как мы любили бы дом, в котором живем по найму несколько лет» Греч опустил последние два слова. Скорее всего, он поступил так из стремления уменьшить контраст между «хозяевами» и «живущими по найму». Впрочем, последние два исправления вряд ли могли иметь решающее значение.

О следующем шаге Греча становится ясно из пометы, оставленной им на черновике «Ответа»:

«Сей ответ был на рассмотрении графа А. Хр. Бенкендорфа и прислан от генерала Дубельта с объявлением, что напечатать сей можно»²³.

Тем не менее ни «Замечания на статью „Северной пчелы“», ни «Ответ» Греча на них не были опубликованы в этой газете. Вероятнее всего, Бенкендорф и Дубельт оказались удовлетворены объяснениями Греча и после некоторого раздумья сочли нецелесообразным привлекать публичное внимание к инциденту, который произошел около полутора месяцев назад. Им достаточно было того, что их подопечный журналист получил необходимый урок.

Не стоит, однако, считать, что III отделение точно так же поступило бы, если на месте Греча оказался бы другой журналист, а тем более сторонник противоборствующей «партии». В практике «высшей полиции» известны примеры совершенно иного рода. Так, в 1832 г. журнал И. В. Киреевского «Европеец» после выхода его 2-го номера был закрыт по надуманным обвинениям в приверженности издателя либеральным и революционным идеям. В действительности же, как показала С. В. Березкина, главной причиной для того послужил один абзац в заметке Киреевского «„Горе от ума“ на московской сцене»²⁴, где автор без тени симпатии упоминал «иноземцев, променявших свое отечество на Россию», и «иностранцев», которые «родились в России, воспитаны в полурусских обычаях, образованы так же поверхностно и отличаются от коренных жителей только своим незнанием русского языка и иностранным окончанием фамилий». И что самое важное, далее Киреевский описывал их как сплоченную партию: «Это незнание языка естественно делает их чужими посреди русских и образует между ними и коренными жителями совершенно особенные отношения. Отношения сии, всем им более или менее общие, созидают между ними общие интересы и потому заставляют их сходиться между собою, помогать друг другу и, не условливаясь, действовать заодно»²⁵.

В 1862 г., уже при ином императоре и других руководителях III отделения, И. С. Аксаков поместил в своей газете «День» процитированную нами прежде статью об остзейцах. После этого издание его газеты оказалось приостановлено (хотя и под другим предлогом) почти на три месяца, а сам Аксаков в течение семи месяцев был официально лишен прав редактора²⁶. Остается добавить, что приведенные примеры — не исключительные случаи, а эпизоды десятилетиями осуществляемой практики пресечения любых публичных сомнений в патриотичности немцев-остзейцев и «немецкой партии»²⁷.

Возвращаясь к «Запискам» Греча, стоит отметить, что они впервые увидели свет в 1886 г., то есть почти через 20 лет после кончины автора. Подготовил их к печати П. С. Усов. К тому времени инцидент 1839 г. был уже забыт, и очерк воспоминаний о создании «Сына отечества» редактор включил в издание «Записок» без каких-либо исправлений или комментариев.

II.

Что общего было между «немецкой партией» и другим соиздателем «Северной пчелы» поляком Ф. В. Булгариным? Отвечая на этот вопрос, О. А. Проскурин указал на своеобразный «демократизм» как важную черту журналиста, часто рассуждавшего в печати о «среднем классе». Поясняя суть булгаринской концепции «среднего класса как опоры престола», О. А. Проскурин отмечает, что она «вполне совпадала с позицией III отделения»²⁸. Такому «среднему классу», по мысли издателя «Северной пчелы», противостояли «русские бары». Вслед за тем тот же автор делает существенное дополнение: «Русская „аристократия“ осознавалась Булгариным не только как социально-политическая, но и как культурно-этическая враждебная среда. Булгарин был „чужаком“ в русской культуре». И далее О. А. Проскурин поясняет: «Булгарин пронизательно чувствовал, что между ним, международным проходимцем, и респектабельной остзейской элитой в этом отношении есть принципиальное родство»²⁹.

В ином ракурсе взглянул на Булгарина П. Глушковский, который пишет о его «имперской идентичности»: «По всей вероятности, Булгарин идентифицировал себя не с этническими русскими, а с Русской империей»³⁰. Добавим, что точно так же идентифицировали себя и большинство российских подданных из дворян немецкого или иного иностранного происхождения. Они считали своим долгом честно служить, но не России, а российскому императору, так же как их предки служили своему сюзеру. И потому весьма справедливо заключение П. Глушковского: «Россия, в представлении Булгарина, — вполне открытая для всех в смысле карьерных возможностей европейская многонациональная держава, а не „Святая Русь“»³¹.

Мировоззрение Булгарина, заявлявшего, что «Дух „Пчелы“: честный и благородный Европеизм»³², ни в чем серьезно не противоречило европоцентричному космополитизму. Проявлялось это и в его журналистской деятельности. К примеру, 19 января 1843 г. Булгарин наставлял сотрудника «Северной пчелы» Р. М. Зотова: «Я просил бы вас, говоря о иностранной словесности и театре, особенно французской — не унижать их в пользу глупой русской литературы! Что у нас за литература, что за театр! Помилуйте! Ум наш под каблуком Уварова. — Театр — увы! — мы только живем и ды-

шим Францией и Германией!»³³. И тому же Зотову спустя четыре месяца Булгарин писал: «Ради бога не ругайтесь, не насмехайтесь над французами, немцами и вообще иностранцами! Они *выше* (на 100 000 000 градусов) нас образованностью и литературою, и нам смешно быть их судьями!»³⁴.

Итак, в глазах Булгарина немцы и «немецкая партия» являлись силой, наиболее близкой ему своими социально-политическими и культурными взглядами и своей ментальностью. К тому же — силой, в придворных интригах чрезвычайно влиятельной. Поэтому именно ее могущественных представителей он выбрал себе в покровители.

Впрочем, опыт общения с немцами для Булгарина далеко не всегда был бесконфликтным³⁵, но это не отражалось на его публичной журналистской позиции. К примеру, в 1844 г., вскоре после выхода в Лейпциге антинемецкого памфлета Ф. Ф. Вигеля «Россия, захваченная немцами» (анонимно изданного на французском языке)³⁶, Булгарин писал в частном письме к В. А. Стороженко: «Это *chef d'oeuvres* всего, что написано о России; правда о лифляндских немцах, какой не бывало. Я читал — прелесть!»³⁷. Однако публично он высказывался совсем иначе. Так, в очерке «Ревель летом 1835 года» Булгарин писал: «Ни один город не может построиться и ни одна страна не может образоваться без немцев. Пример: Россия и Америка. Немцы в гражданской жизни нужны как часы, как весы, как аршин... и... как совесть! Да, как совесть! Воля ваша, а с немцами жить если не слишком весело, зато покойно и безопасно»³⁸.

Однако многолетнее преданное служение интересам «немецкой партии» не спасало Булгарина от пренебрежительного, а иной раз и презрительно-го отношения к нему в кругу космополитической элиты. Это ясно демонстрирует реакция на опубликованные им страницы воспоминаний о графе М. М. Сперанском.

Для поборников европеизма Сперанский — фигура во многом символическая. Ведь по крайней мере в первый период своей деятельности, в начале XIX в., он был открытым приверженцем идей философов-просветителей, апологетом конституционного правления, стремившимся внедрить в русскую жизнь Кодекс Наполеона и другие европейские новшества³⁹.

В 1848 г., спустя девять лет после смерти Сперанского, Булгарин отдал рассказу о нем целый ряд страниц в заключении пятой части своих «Воспоминаний». Более того, в них он приводил слова, по его заявлению, слышанные от этого сановника в личной беседе. При этом Булгарин не мог не понимать, что рассуждения частного лица о недавно скончавшемся государственном деятеле, тем более — касавшиеся не только времени его успехов, но и опалы, не могут не вызвать настороженного отношения влас-

ти. Это видно хотя бы из переписки Н. И. Греча с Д. П. Руничем в феврале 1839 г.

Служивший при Александре I попечителем С.-Петербургского учебного округа Рунич (к которому тогда, по рассказу Греча, «вторся») 35-летний Булгарин⁴⁰⁾ во время церемонии погребения Сперанского обратился к Николаю Ивановичу с предложением подготовить для «Северной пчелы» публикацию, посвященную этому событию. В ответ ему было сказано, что, согласно имеющемуся распоряжению, Греч должен будет направить ее текст на рассмотрение Бенкендорфа. Однако после получения полной пафоса статьи Рунича Греч ответил ему отказом без представления ее начальнику III отделения. Оскорбленный автор послал ее в журнал «Отечественные записки», редактируемый конкурентом Булгарина и Греча А. А. Краевским. После этого статья была представлена цензуре В. П. Лангеру, который, не решаясь принять самостоятельное решение, передал ее на рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета, а тот наложил на нее окончательный запрет⁴¹⁾.

В этой истории обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое — то, что главной причиной своего отказа Греч назвал негласное правило «одно частное лицо не может судить о жизни и заслугах государственных мужей от своего собственного имени». Второе — то, что при этом Греч добавил: «Биография графа М. М. составляется по оставшимся от покойного документам, с согласия родственников и одобрения высшего начальства, Ф. В. Булгариным»⁴²⁾.

Из этого видно: хорошо понимая границы дозволенного в суждениях «частного лица» о государственных деятелях, Греч полагал, что тех же самых ограничений не существует для его друга. Однако, отвечая Руничу, он сильно преувеличил возможности Булгарина (нельзя исключить, что специально — чтобы уязвить своего адресата). 15 февраля, которым датировано его письмо, то есть на четвертый день после смерти Сперанского, Булгарин не только не приступил к составлению биографии покойного деятеля, но и не мог иметь на то согласия родственников и «высшего начальства». В первые же часы после кончины Сперанского его архив, по распоряжению Николая I, был опечатан бароном М. А. Корфом. И затем император назначил комиссию для разбора этого архива, которую составил из Корфа, Д. В. Дашкова и А. С. Танеева⁴³⁾.

В середине 1840-х гг. Корф приступил к работе над биографией этого государственного деятеля⁴⁴⁾, а в 1861 г. Императорская Публичная библиотека издала его двухтомник «Жизнь графа Сперанского»⁴⁵⁾. Причем вместо обычного цензурного разрешения на книгу было указано: «Печатано с Высочай-

шего соизволения»⁴⁶. Хорошо чувствующий придворную конъюнктуру, то есть о чем и как стоит писать в подобной биографии⁴⁷, Корф отличался еще и прекрасным знанием этого исторического деятеля. Под его руководством он долгие годы служил во II отделении Собственной его императорского величества канцелярии и «именно через Сперанского» он «впервые сделался известным государю»⁴⁸. К тому же последующая служба Корфа на посту государственного секретаря и председателя Департамента законов Государственного совета дала ему понимание специфики дел и обстоятельств, с которыми в прежние годы сталкивался его бывший начальник.

Когда в 1839 г. Греч, предвкушая несвершившееся, дал понять Руничу, что «высшее начальство» позволило Булгарину взяться за дело, которое никак не может быть доверено простому литератору, его столь амбициозное заявление могло основываться на покровительстве, оказываемом последнему Бенкендорфом. Однако после кончины того, когда отношения издателя «Северной пчелы» с III отделением приобрели менее близкий характер, он лишился заметной доли своего бывшего влияния.

К тому же в 1848 г. тайный советник Корф приобрел особое положение в сфере печати. Происходивший из древнего рода курляндских баронов, деятельный член придворной «немецкой партии», противник министра Уварова⁴⁹, еще в 1843 г. он стал членом Государственного совета. Теперь же, в апреле 1848 г., он был назначен членом Комитета для постоянного надзора за духом и направлением нашего книгопечатания, получившего неофициальное название «Комитет 2 апреля 1848 года» и по сути являвшегося цензурой над цензурой⁵⁰.

Корф смотрел на Булгарина с заметной долей презрения, что отмечено и в его дневнике. Так, в записи от 9 марта 1848 г. высокопоставленный чиновник рассказывал о состоявшемся у него накануне разговоре с начальником III отделения Орловым. Тот сообщил ему, что император подыскивает автора, которому можно было бы поручить подготовку статьи «о французской революции и республике, в насмешливом тоне». При этом Николай I первым делом вспомнил о Корфе, на что Орлов заметил: талант его «свойствен более для работ серьезных и мыслительных, нежели иронических»⁵¹.

Корф, согласно его дневнику, полностью поддержал такую оценку своих способностей, и тут же воскликнул: «Но чего вам искать? У вас под рукою готовый человек, за правила и убеждения которого я не дам ни копейки, но который готов на все, чтоб показать себя угодным правительству, остер, опытен и знает наизусть нашу публику: это — издатель „Северной пчелы“ Булгарин»⁵². Уже в этих словах видно нескрываемое презрение автора дневника к вполне успешному по тогдашним меркам журналисту. Далее

же он рассказал: «„Представьте, — отвечал Орлов, — что мы совершенно сошлись в мыслях, и я тоже назвал его государю“. „Надобно только, — прибавил я, — направить несколько его тон, и для образца в этом роде я пришло вам превосходную статью Сперанского, напечатанную в газетах 1809-го г., по случаю носившихся тогда в городе нелепых политических слухов“. „Прекрасно, а потом вы просмотрите болгаринскую статью“»⁵³.

По поводу задуманной императором публикации Корф позднее отметил: «Все же это, однако ж, впоследствии не сбылось, и никакой подобной статьи написано не было по очень естественной причине — что французский народ скоро объял всю остальную Европу, и, хотя можно и должно было продолжать гнушаться, но поздно уже было для насмешек»⁵⁴. Вероятнее всего, Корф решил так потому, что обсуждаемую статью не прислали ему для просмотра. Однако из письма Булгарина к Орлову от 13 марта 1848 г. видно, что работу Сперанского 1809 г. начальник III отделения направил издателю «Северной пчелы»⁵⁵, и тот взялся за подготовку порученной публикации, но заметил в ответ: «Теперь другие обстоятельства, другие потребности и другой народ, и с ним надобно говорить иначе»⁵⁶. Тот быстро подготовил эту статью, но Орлов не стал показывать ее Корфу, вероятно, чтобы тем самым не делиться с ним даже малой долей своего влияния на Булгарина. Статья увидела свет 13 марта 1848 г. в субботнем (то есть наиболее популярном) номере «Северной пчелы». Если говорить точнее, она составила первую часть традиционного фельетона «Журнальная всякая всячина», вышедшего за подписью Булгарина⁵⁷.

В той же публикации автор уделил немалый абзац описанию достоинств Прибалтийского края и Финляндии, растолковывая читателям: «В Остзейских губерниях вы можете присмотреться к обычаям тамошней жизни, научиться экономии, сельскому хозяйству и дешевому наслаждению жизнью»⁵⁸.

Более чем три месяца спустя Корф снова вспомнил о Булгарине в своем дневнике. Этому предшествовал выход в свет очередной части его мемуаров, в которой шла речь о Сперанском. Сначала она появилась под обложкой журнала «Библиотека для чтения»⁵⁹, а затем в составе отдельного тома «Воспоминаний»⁶⁰. Еще до выхода последнего Корф записал в дневнике: «Дерзкой Булгарин, всегда хвастающий дружбою к нему *умерших*, которые не в силах уже отвергнуть этой грязной дружбы»⁶¹, в „мемуарах“ своих (воспоминаниях), напечатанных нынче в „Библиотеке для чтения“, поместил несколько страниц о Сперанском, исполненных частью грубых ошибок, а частью — в разговорах будто бы с ним Сперанского, — вероятно, и лжи»⁶².

Подчеркнем: автор дневника ни словом не обмолвился о том, что Булгарин нарушил закон, тогда в чем состояла его дерзость?

Очевидно, в том, что он покусился на труд, который, как уверял Корф, был тому не по плечу. Потому он и подчеркивал ошибки и хвастливую ложь Булгарина. Иначе говоря, главная причина для возмущения Корфа — то, что журналист взялся за работу, правом на которую обладал именно он, высокопоставленный сановник. Однако вскоре в его умелой интерпретации личные мотивы обрели вид служебных. Ведь Корф, являясь членом Комитета 2 апреля 1848 года, имел обязанностью реагировать на все цензурные нарушения. То есть именно члены этого Комитета в наступивших условиях стали экспертами в том, что является нарушением, а что нет. В этом вопросе выше их был только император, в тот момент чрезвычайно встревоженный опасностью революции. Кроме того, обратив внимание Николая I на пропущенные цензурой рассуждения Булгарина о Сперанском, Комитет тем самым указал бы на ненадлежащее исполнение служебного долга цензорами, находившимися в подчинении у Уварова.

Реакция Корфа на публикацию о Сперанском последовала в несколько шагов. Первым стало то, что он обеспечил себе поддержку Комитета 2 апреля 1848 года, который тогда возглавлял Д. П. Бутурлин. Обратив внимание Комитета на печатное выступление Булгарина, Корф заручился его содействием и сам же (что отмечено в его дневнике⁶³) подготовил запись об этой публикации в «Журнале Комитета», датированную 23 июня.

На следующий день, 24 июня, увидели свет критические замечания Корфа о статье Булгарина в газете «Русский инвалид»⁶⁴. Вначале их автор заявил: «Мы полагаем, с нашей стороны, что произнесение суда над личностью графа Сперанского, даже и самая оценка или разъяснение многих событий и переворотов его жизни, составляют покамест задачу совершенно еще преждевременную. Оттого мы проходим молчанием как собственные суждения и заключения автора „Воспоминаний“, так и беседы с ним покойного графа, из которых не все, вероятно, предназначены были к такой скорой гласности. Но мы не могли не обратиться, в интересе исторической истины, к проверке материальной части биографии, т. е. приводимых в „Воспоминаниях“ фактов и чисел, и в этом собственно отношении нашли тут разные неверности и недоразумения, которые считаем долгом исправить перед публикою, — для потомства»⁶⁵. Всего Корф указал в рассказе Булгарина 20 случаев «неверностей» и «недоразумений», начиная с года рождения Сперанского до месяца его кончины.

Уже после этого, 26 июня, запись № 17 в «Журнале Комитета» была представлена Николаю I. О ее содержании и реакции императора можно су-

дить по заверенной копии, сохранившейся в составе документов Комитета 2 апреля 1848 года.

«Журнал Комитета, высочайше учрежденного во 2-й день апреля 1848 года

При обозрении последней (июньской) книжки журнала „Библиотека для чтения“ внимание Комитета остановлено было статьею „Воспоминания Фаддея Булгарина“, в которой собраны между прочим разные подробности о покойном графе Сперанском.

Комитет не входит в разбор многих вкравшихся в эту статью исторических неверностей и ошибок, которые обличены уже особо одним из членов, близко изучавшим биографию графа Сперанского⁶⁶; но, обращаясь собственно к тому, что принадлежит в круг прямых его обязанностей, он нашелся в необходимости сделать на упомянутую статью следующие замечания:

1. Автор говорит, что император Александр поручал Сперанскому обработку всех важнейших дел и планов высшего государственного управления, передавал ему все поступавшие по этому предмету проекты и наконец поручил ему составление плана государственного образования. Независимо от первого вопроса: откуда взяты автором сведения, столь положительно выраженные, — здесь рождается и другой: может ли частный человек распределять за эпоху, столь еще к нам близкую, и таким диктаторским тоном, славу государственных подвигов между монархом и его подчиненным?

2. В статье выведено, что Сперанский в 1812-м году пал жертвою вражды и зависти, которые успели очернить его и представить человеком вредным и опасным. Сочинитель прибавляет даже „не смею называть главных виновников несчастья Сперанского, хотя они все уже в могиле — там, где и жертва их злобы. Но могила не все прикрыла. Добрые и злые дела остаются и громко возопиют в потомстве!“ — Далее следуют подробности об удалении Сперанского в Нижний Новгород и Пермь, описание его ощущений и пр.

По мнению Комитета, вся эта выходка совершенно неуместна в печати. Представляя все событие несчастием незаслуженным и плодом одних происков, она как бы накидывает перед публикою тень на характер императора Александра, а с другой стороны, прямо намекает на мнимую известность автору самых виновников удаления Сперанского и вообще всех подробностей такого дела, которое правительством донныне всегда оставляемо было под покровом тайны и слишком — как уже упомянул Комитет — близко к нашей эпохе, чтобы частное лицо дерзало, без особого призвания и, веро-

ятно, и без достаточных к тому сведений, приподнимать всенародно край этого покрывала.

3. Говоря о представленном Сперанским в 1810-м году финансовом плане, автор пишет, что этот план „принес величайшую пользу и приносит ее до сих пор предварительным рассматриванием смет и последовательною поверкою издержек в Государственном контроле, *который был страшен при покойном бароне Б. Б. Кампенгаузене*⁶⁷, *человеке с необыкновенным умом, деятельностью, беспристрастием и правдивостию*“. Такую характеристику *прежнего*, выставленную как бы в противоположность и в укор *последующему и настоящему*, равно как и самое мнение, столь резко произносимое о пользе мер государственных, Комитет не может также не признать совершенно неприличными.

4. В означенной статье приводится Указ 1816-го года, которым Сперанский определен был снова в службу, в должность пензенского гражданского губернатора, но приводится не подлинными словами и будто бы в виде *извлечения его содержания*, которое между тем представлено совершенно *превратно*. Так, в Указе сказано, что не оказалось „*убедительных причин к подозрениям*“ на Сперанского, тогда как в статье напечатано, что „по произведенному следствию (сих слов совсем нет в Указе) *обвинения оказались неосновательными*“. Такое искажение слов и смысла Высочайшего указа, в свое время гласно обнародованного⁶⁸, а теперь приводимого как исторический цитат в ином совсем виде, представляется Комитету столько же дерзким, сколь и предосудительным.

Наконец, 5. Приводя частный разговор свой с Сперанскими о постигнувшем его в 1812-м году несчастии, автор влагает в уста покойного графа следующие слова: „Если б я был в фамильных связях с знатными родами, то без сомнения, дело приняло бы другой оборот. Кто хочет держаться в свете, тот должен непременно стать на якорь из обручального кольца“. — Едва ли нужно замечать, что если слова сии *и были точно сказаны* в минуту откровенной и не совсем, может быть, осторожной беседы, то верно уже не для оглашения их перед современною публикою, и Комитет смеет думать, что нельзя допускать, чтобы память государственного человека, так сказать, *вчера* еще оставившего поприще, а с тем вместе, в некотором отношении, и самый образ действия правительства были поносимы приписыванием первому подобных мнений.

Вследствие всех сих замечаний Комитет полагал бы предоставить министру народного просвещения: 1, сделать автору приведенной статьи строгий за нее выговор, и 2, сделать соответственное внушение и пропустившим оную цензорам: ибо если не было на прямой их обязанности сверять Указ

1816-го г. с подлинником, то никак; однако же, не следовало им пропускать прочих, выше сего замеченных мест по явной их неуместности в печати.

Такое заключение свое Комитет осмеливается всеподданнейше повергнуть в Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение.

Подписали: Дмитрий Бутурлин, Павел Дегай и барон Модест Корф, скрепил правитель дел Комитета статский советник Гвоздев.

Верно *статский советник Гвоздев*.

№ 17.

23 июня 1848»⁶⁹.

На этой копии сохранилась помета, заверенная председателем Комитета 2 апреля:

«На всеподданнейшей моей записке от 26 июня, при которой подлинный журнал был представлен, Государь Император собственноручно изволил написать карандашом: „*Совершенно справедливо, сообщить о сем и г[енерал-] а[дъютанту] г[рафу] Орлову*“.

27 июня 1848 г.

В Петергофе.

Бутурлин»⁷⁰.

Как отметил Корф в своем дневнике, в «Журнале Комитета» он коснулся «некоторых предметов как не подлежащих совсем оглашению в печати»⁷¹. 29 июня Бутурлин направил министру народного просвещения Уварову и начальнику III отделения Орлову отношения, в которых повторялся текст записи в «Журнале Комитета», но все претензии к Булгарину в них были выражены уже от имени императора. Распоряжение Николая I сообщить о его реакции на публикацию в «Библиотеке для чтения» Орлову, вероятно, связано с тем, что император сознавал: Булгарин находится в патрон-клиентских отношениях с ведомством, которое возглавлял граф⁷².

7 июля 1848 г. министра народного просвещения Уваров распорядился, чтобы председатель С.-Петербургского цензурного комитета граф М. Н. Мусин-Пушкин исполнил в отношении Булгарина волю монарха⁷³. И уже тот 11 июля 1848 г., по «высочайшему повелению», объявил ему «строгий выговор»⁷⁴.

Еще 2 июля канцелярия министра народного просвещения запросила С.-Петербургский цензурный комитет, была ли публикация мемуаров Булгарина рассмотрена военной цензурой? (Ведь автор вспоминал в ней о военных действиях, происходивших в 1807, 1809 и 1812 гг.) Очевидно,

этот вопрос возник из стремления разделить ответственность с другим ведомством. Но председатель цензурного комитета ответил 11 июля, что ведению военной цензуры, по предписанию, объявленному в 1833 г. министром народного просвещения, подлежат только «статьи о современных военных событиях»⁷⁵.

17 июля Уваров в конфиденциальном отношении к Бутурлину сообщил о сделанном высочайшем строгом выговоре Булгарину и о том, что «поставлено на вид цензору, рассматривавшему сей журнал»⁷⁶. Имени цензора Уваров не назвал. Тем не менее известно, что 88-й том «Библиотеки для чтения» (включающий в себя тот июньский номер) вышел с цензурного разрешения, выданного 1 мая 1848 г. А. В. Никитенко и С. С. Куторгой. Поставлено на вид было последнему⁷⁷, так как Никитенко уволился с должности 29 июня⁷⁸. Однако и Куторга прослужил цензором лишь до 14 июля того же года, когда был уволен по решению Комитета 2 апреля 1848 года за выданное им разрешение на печать книги А. Рединга «Poetische Schriften»⁷⁹.

Еще прежде этого, 1 июля, статью Корфа из «Русского инвалида», перепечатали «Санкт-Петербургские ведомости», находившиеся под контролем Уварова (он являлся президентом Императорской Академии наук, в собственности которой и находилась газета)⁸⁰. На следующий день, 2 июля, Корф обратился к Уварову с письмом, в котором жаловался на цензора А. Л. Крылова: тот без его ведома изменил в публикации «Русского инвалида» два слова, исказив тем самым смысл сказанного автором⁸¹. И хотя письмо Корфа имело неофициальный характер (на это указывает то, что оно было написано не на служебном бланке и по-французски), подчеркнем: только член Комитета 2 апреля 1848 года мог обратиться к министру народного просвещения с возмущениями лишь из-за двух слов, исправленных его подчиненным!

Корф по поводу искажений, сделанных в его статье, заявил Уварову: «Мне в моем положении неприятно и странно представлять перед публикою в столь смешном виде»⁸². И министр уже на следующий день в ответном неофициальном письме признал правоту своего адресата и сообщил, что сделал цензору строгий выговор⁸³. Однако Корф не заметил (или не стал заострять внимание?), что история с двумя исправленными словами повторилась и в только что вышедшей публикации той же его статьи в номере «Санкт-Петербургских ведомостей»⁸⁴. Очевидно, оригиналом для нее послужил текст из «Русского инвалида».

Однако и на этом конфликт Корфа с Булгариним не был исчерпан. Издатель «Северной пчелы», который в это время находился в своем имении Карлове, очевидно, не имел сведений о реакции на его воспоминания

Комитета 2 апреля 1848 года и императора, а статью Корфа в «Русском инвалиде» получил и прочел с заметным опозданием. Он решил подробно, хотя и с соблюдением всяческого пиетета к высокопоставленному визави, ответить на выдвинутые в его адрес упреки. Свой ответ Булгарин облек в форму традиционных фельетонов «Северной пчелы», которые периодически посылал из Карлова в столицу. В нем он ни разу не назвал имени своего оппонента и, пытаясь уйти от его упреков, лавировал как мог. Булгарин подчеркивал: «Я не писал биографии Сперанского, я только *вспомнил* об нем в моих „Воспоминаниях“»⁸⁵. В оправдание себя он пытался найти в публикации «Библиотеки для чтения» новые, отвечающие требованиям власти акценты. В частности, теперь он утверждал: «Сперанский вовсе не действовал самостоятельно в русском законодательстве, а только исполнял волю законодателей (...) он никогда не навязывался ни с какими проектами и тогда только делал, когда ему что-либо поручали. Об этом я сказал и в моих „Воспоминаниях“»⁸⁶.

Об этом фельетоне, датированном автором 13 июля, А. И. Рейтблат пишет, что «в середине июля он был подан в цензуру», но «цензурный комитет запретил публиковать ответ Булгарина»⁸⁷. Действительно, публикация его ответа на обвинения Корфа тогда так и не состоялась (вместо него 17 и 20 июля вышли в свет две части другого фельетона под тем же традиционным названием «Журнальная всякая всячина» и с такою же подписью «Ф. Б. Карлово, 13-го июля 1848»⁸⁸). Однако на чем основаны суждения о его запрете цензурой, А. И. Рейтблат не указывает.

О действиях цензурного комитета мы можем судить только по рапорту цензора А. Л. Крылова, который сообщил председателю М. Н. Мусину-Пушкину: «В исполнение приказания Вашего превосходительства имею честь представить корректуру „Сев[ерной] пчелы“, в которой предположено было напечатать ответ г. Булгарина барону Модесту Андреевичу Корфу. Его превосходительство, конечно, пожелает знать, в каком виде написан этот ответ; потому что можно полагать, что г. Булгарин все-таки будет домогаться позволения напечатать его статью»⁸⁹. Из этого видно, что руководство цензуры ожидало реакции Булгарина и заранее дало на этот счет распоряжение цензору. Тем не менее на рапорте нет никаких резолюций, касающихся запрещения или разрешения публикации (и цензор, что примечательно, не запрашивал о них). Более того, на этом документе имеется входящая помета: «Получ[ен] 20 июля 1848». Между тем публикация ответа Булгарина была окончательно отклонена еще раньше: не позднее 19 июля, когда отдали в печать вторую часть заменившего его фельетона.

Исходя из этого, можно предположить, что подготовленный Булгариным ответ, прежде чем он лег на стол председателя цензурного комитета, был отклонен начальником III отделения. Ведь издатели «Северной пчелы», как известно, согласовывали с ним любые хотя бы в чем-то сомнительные статьи. И уже от Орлова болгаринский фельетон попал к Корфу (это видно потому, что для составления замечаний он использовал не корректуру, а рукописную копию⁹⁰). Таковой оказалась многократно возросшая в последние месяцы сила его влияния! Уваров же в этой ситуации предпочел, чтобы его подчиненные не вмешивались в конфликт двух давних его недругов.

Корф подготовил на ответ Булгарина свои контрдоводы и комментарии⁹¹. Однако они не имеют цельного и законченного вида. Скорее всего, их автор рассчитывал не продолжить публичный спор, а лишь окончательно дискредитировать своего оппонента в глазах его покровителей. И на этом полемика о Сперанском была прекращена. Подчеркнем, что в той ситуации, в отличие от случая с Гречем, власти начали ее, а затем прервали в тот момент, когда это противоречило намерениям издателя «Северной пчелы».

Еще одним шагом, предпринятым Корфом в отношении Булгарина, стало то, что свою краткую интерпретацию истории со статьей о Сперанском он изложил в дневнике, к которому приложил «вещественные доказательства»: копию записи в «Журнале Комитета 2 апреля 1848 года», свою статью из «Русского инвалида», текст неопубликованной ответной статьи Булгарина и свои возражения на нее. Ведь Корф вел дневник не для фиксации душевной рефлексии и интимных рассуждений, а именно как «документ истории», от которого будет зависеть образ его автора, формируемый в глазах последующих поколений. Описывая свою коллизию с Булгариным, Корф подчеркивал: «Разумеется, что по положению моему в свете мне унижительно было бы вступать в полемику с журналистом, и в этом собственно тоне — т. е. с достоинством государственного человека, восстанавливающего истину для потомства, — и старался я написать всю статью. В ней много мелочей; но мелочи нельзя и опровергать иначе, как такими же мелочами»⁹².

Стоит отметить: Булгарин в своих мемуарах неоднократно брался описывать черты характера и поступки известных государственных деятелей и военачальников, таких как графы А. А. Аракчеев, И. И. Дибич, Л. Л. Беннигсен, Н. П. Румянцев, и целого ряда иных царедворцев. Он же рассказывал о переустройстве Государственного совета, министерств и других высших правительственных мест. Тем не менее это не вызвало столь энергичных возражений или упреков, как в истории с несколькими страницами о Сперанском. Почему? Трудно представить, что во всех других случаях автор избежал неточностей, ошибок и оставался совершенно беспри-

страстен. Очевидно, причина в том, что в иных подобных эпизодах самонадеянность этого журналиста не нарушала никаких «монопольных» прав. То есть причину коллизии надо искать в уязвленных амбициях Корфа, умело прикрывшего их защитой государственных интересов.

Существует мнение, что именно в результате полученного Булгариным в 1848 г. высочайшего строгого выговора он прекратил работу над воспоминаниями. Такое объяснение незавершенности булгаринских мемуаров считает наиболее вероятным Н. Н. Акимов⁹³. Однако этот же автор отмечает, что около года спустя Булгарин опубликовал в «Северной пчеле» воспоминания об А. Е. Измайлове (и заявил о намерении более развернуто представить их позднее)⁹⁴, а в 1854 г. «обещал рассказать о литературном быте 1820-х гг. и своих взаимоотношениях с русскими литераторами»⁹⁵. К тому же выговор, вынесенный тогда журналисту, был для него отнюдь не первым. Предыдущие объявлялись ему от имени императора по меньшей мере трижды: в 1830, 1839 и 1843 гг.⁹⁶ Кроме того, в январе 1830 г. по воле императора Булгарин недолгое время провел на гауптвахте⁹⁷, а в марте того же года Николай I, в записке к Бенкендорфу указывая на «Северную пчелу» и ее издателя, предлагал: «Если возможно, запретите его журнал»⁹⁸ (очевидно, что ни тогда, ни позже начальник III отделения не признавал такое возможным).

Не менее вероятной причиной остановки мемуарной деятельности Булгарина можно рассматривать снижение спроса на его сочинения. Ведь в 1850е гг. он выпускал новых произведений все меньше и меньше. Его коммерческий успех изменялся по нисходящей, а для достигшего преклонных лет писателя это было плохим мотивом к продолжению трудов.

Однако, какие бы причины ни стали помехой в работе над новыми главами воспоминаний Булгарина, остается несомненной утрата им прежнего привилегированного положения. И одним из факторов того явилась реакция окружения императора и самого Николая I на публикацию о Сперанском.

Корф, который и прежде свысока смотрел на Булгарина, в ситуации, когда для него, 47-летнего сановника, начался новый, важный этап карьеры, отнесся к этому журналисту не как к клиенту его союзников по придворной партии (которого еще недавно он сам рекомендовал использовать!), а как к самонадеянному конкуренту, претендующему на явно не предназначенную для него роль. И после того как император поддержал Корфа, III отделение уже не пыталось защитить своего подопечного. Да и его полезность для ведомства Орлова вызвала все большие и большие сомнения.

О последнем факте говорит и история, произошедшая с Булгариным чуть ранее. После нескольких попыток скомпрометировать в глазах III отделения своего конкурента Краевского издатель «Северной пчелы» пред-

принял новый и самый решительный к тому шаг: 6 марта 1848 г. обратился с письмом к Дубельту. Понятно, что после известий о вспыхнувшей во Франции революции обвинения в распространении «коммунизма», выдвинутые автором письма, должны были возыметь особую силу. На этот раз мишенью для Булгарина помимо Краевского и его «Отечественных записок» стал также журнал «Современник», а отдельными высказываниями он стремился уязвить и «Санкт-Петербургские ведомости»⁹⁹. Нельзя сказать, что его нападки оказались вовсе не услышанными, но желаемой цели издатель «Северной пчелы» не достиг. Иначе говоря, его журналистское перо использовали, когда оно требовалось власти, однако инициативы и фантазии, касавшиеся конкурентов Булгарина, все менее и менее принимали всерьез.

С этим вполне согласуется мнение А. И. Рейтблата, отметившего, что «А. Ф. Орлов, возглавивший III отделение после смерти Бенкендорфа в 1844 г., хотя и пользовался иногда услугами Булгарина, в целом относился к нему довольно презрительно»¹⁰⁰. Рассматривая случаи содействия этого журналиста «высшей полиции» уже после смерти ее создателя, тот же автор указывает год, когда их отношения заметно изменились: «В целом тесное сотрудничество Булгарина продолжалось всего три года (1846—1848). Позднее Булгарин часто болел, подолгу жил в Карлово и связь его с III отделением стала слабее»¹⁰¹. Однако здесь возникает вопрос: что в этом ряду является причиной, а что следствием? Сотрудничество ли издателя «Северной пчелы» с управляющим III отделением существенно уменьшилось потому, что он больше времени проводил в Карлове, или наоборот: он стал подолгу задерживаться в лифляндском имении, так как оказался не востребован у руководителей III отделения в столице?

В любом случае события 1848 г. показали Булгарину и его окружению, что он все более и более лишается ресурсов влияния, которыми располагал прежде. Еще очевиднее это стало в следующие пять лет: новое взыскание журналист получил от Николая I уже через два года, в 1851-м, а в 1853-м выговор ему объявил А. С. Норов, который в то время являлся даже не министром, а лишь управляющим Министерства народного просвещения, что, очевидно, свидетельствовало об окончательной потере Булгариным его бывшего статуса¹⁰².

Конфликт из-за воспоминаний о Сперанском, возникший и развивавшийся как скрытое столкновение амбиций двух деятелей одной и той же партии, получил новое развитие в 1861 г. в книге Корфа. Ведь в нескольких абзацах «Жизни графа Сперанского» ее автор вернулся к спору со своим тогда уже покойным соперником и представил собственное видение этого государственного деятеля. В его толковании Сперанский

являл собой не только «отечественную версию» европейского космополита, но и крупного интеллектуала, самого мощного оппонента «партии патриотов». Для этого Корф, пусть и в несколько завуалированной форме, должен был показать противостояние Сперанского с Карамзиным, автором «Записки о древней и новой России»¹⁰³. А это, в свою очередь, потребовало — впервые в российской легальной печати — публикации значительных фрагментов карамзинской «Записки».

Два представленные здесь эпизода, связанные с публикацией фрагментов воспоминаний Греча и Булгарина, демонстрируют различия в реакции властей на допущенные обоими нарушения негласных пределов дозволенного, а следовательно — изменения, произошедшие менее чем за десятилетие с конца 1830-х гг., в отношении к соиздателям «Северной пчелы» их влиятельных покровителей.

Примечания

¹ К примеру, в 1840 г. жалобы на публикации в «Северной пчеле» направили Бенкендорфу военный министр граф А. И. Чернышев и зубной врач А. Вагенгейм (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 446. Ч. 6. Л. 49, 52—53).

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 446. Ч. 6. Л. 62.

³ Впервые на это указал О. А. Проскурин, назвавший ведомство Бенкендорфа штабом «немецкой партии» (*Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 317—319*).

⁴ См.: *Сергеев С. М. «Хозяева» против «наемников»: русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 48—49.*

⁵ *Самарин Ю. Ф. Письма из Риги // Самарин Ю. Ф. Собрание сочинений. СПб., 2016. Т. 3 : Русское самосознание. С. 77.*

⁶ О действиях «немецкой партии» в отношении Востокова см.: *Бадалян Д. А. «Немецкие партии» в русской науке XIX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 185. В отношении Дельвига: *Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания // Философия : журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3, № 2. С. 129—130, 147. В отношении Даля: *Бадалян Д. А. Борьба элит и журналистика в России эпохи нациестроительства // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 282—285.***

⁷ *Крючков Н. Н. Система отношений «патрон-клиент» в придворной борьбе «русской» и «немецкой» партий 1730-х гг. // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии : материалы Всерос. науч. симп., посвящ. 100-летию со дня рождения видного рос. историка-археографа Н. Ф. Демидовой (г. Уфа, 16—18 декабря 2020 г.). Уфа, 2021. С. 165.*

⁸ Одним из факторов их разделения служила развивавшаяся в первой половине XIX в. конфронтация лютеранских деноминаций — пиетизма и рационализма. Первая имела немало апологетов в столичных кругах. Сторонниками второй явля-

лись знать и многие дворяне Остзейских губерний. Впрочем, и в светской жизни немецкое общество имело поводы для разделения и противоречий. Так, профессора Дерптского университета издавна делились на две партии. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления генерал-майор А. И. Лакс в 1885 г. описывал их так: «Одна — Балтийская (крайняя немецкая) (...) к которой принадлежат все самые рьяные поборники остзейского партикуляризма; а другая — умеренная, состоящая в большей своей части из профессоров-иностранцев и в меньшей — из местных уроженцев» (*Исаков С. Г.* Из архивных «мелочей». I // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Тарту; Таллин, 2010. Вып. 5. С. 101). Об иных группировках, сложившихся в Балтийском крае внутри «немецкой партии» в 1860—1880-е гг. см.: «О политических партиях в Лифляндской губернии»: донесения лифляндского губернатора И. Е. Шевича министру внутренних дел 1884 г. / подгот. к публ., вступ. ст. и коммент. *Н. В. Дмитриева* // Русский архив. Братислава, 2022. № 10 (2). С. 98—99.

⁹ *Булгарин Ф. В.* Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. *А. И. Рейтблата*. М., 1998. С. 299. Добавим, что спустя десятилетия употребление термина «немецкая партия» станет обыденным в делопроизводственных документах. К примеру, упоминания «немецкой партии» как части местного общества многократно встречаются в 1870—1880-е гг. в еженедельных донесениях министру внутренних дел лифляндских губернаторов барона А. А. Икскуля фон Гильденбандта (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 133. Л. 93, 98, 105 об., 107 об. и др.) и И. Е. Шевича («О политических партиях в Лифляндской губернии»). С. 98, 101—104).

¹⁰ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 2002. С. 269.

¹¹ Северная пчела. 1839. 7 февраля (№ 28). С. 111—112; 8 февраля (№ 29). С. 115—116.

¹² Для сравнения отметим, что другой журналист, участник кампании по созданию патриотической прессы, П. В. фон Помиан де Пезаровиус, был хорошо знаком с Уваровым по масонской ложе «Полярная звезда» (в которую они оба вступили в 1809 г.). В декабре 1812 г. именно по ходатайству того (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 147) Пезаровиусу было дано разрешение на выпуск издания, которое позднее получило вид газеты «Der Russische Invalide, oder die Kriegs-Zeitung», и ее русскоязычного аналога «Русский инвалид, или Военные ведомости». Тем не менее в написанной им позднее «Краткой истории газеты „Русский инвалид“» (СПб., 1843) он даже не упомянул имени бывшего своего патрона. Вероятнее всего, причина тому — не сугубо личные их отношения, а повлиявшие на них обстоятельства борьбы между различными кланами российской элиты.

¹³ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни ... С. 261.

¹⁴ РО ИРЛИ. Р II. Оп. 1. Д. 79. Л. 1—3 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ *Военский К. А.* Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1912. Т. 2: Балтийские окраины в 1812 году. С. 233.

¹⁷ *Аксаков И. С.* Как понимает остзейский немец идеал России // Сочинения. М., 1887. Т. 6: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам: статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». С. 6.

¹⁸ См.: *Лямина Е. Э., Сомовер Н. В.* Крыловский юбилей 1838 года как культурный и идеологический феномен // Транснациональное в русской культуре : сб. ст. М., 2018. С. 62—64.

¹⁹ С начала декабря 1838 г. Греч выступал с публичными лекциями о русском языке. 24 декабря Н. Ф. Павлов в письме к А. А. Краевскому сообщал, что «мин[истр] просв[ещения] бывает там каждый раз» (Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Краевскому // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 123. Прил. XVI). Возможно, Павлов, находясь в это время в Москве, преувеличил полученные им известия, но по крайней мере на второй лекции, прочитанной 8 декабря, Уваров действительно присутствовал среди других почетных гостей, о чем Булгарин сообщил в «Северной пчеле» (Ф. Б. [Булгарин Ф. В.]. Чтения о русском языке Н. И. Греча. Чтение второе, 8-го декабря // Северная пчела. 1839. 14 декабря (№ 283). С. 1131).

²⁰ РО ИРЛИ. Р I. Оп. 1. Д. 79. Л. 1, 3.

²¹ Объединение германских государств, существовавшее под протекторатом Наполеона в 1806—1813 гг. Будучи вассальными государствами по отношению к наполеоновской Франции, страны-участницы (сначала 16, в конечном итоге — 39) обеспечивали ее военной силой за счет своих граждан.

²² РО ИРЛИ. Р II. Оп. 1. Д. 80. Л. 1—1 об.

²³ Там же. Л. 1 об.

²⁴ *Березкина С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии : сб. науч. тр. СПб., 2004. Вып. 29. С. 231—236, 239—241. Выводы, сделанные этим автором, подтверждает и переписка современников. См.: *Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830—1840х годов* // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 207—208.

²⁵ *Киреевский И. В.* «Горе от ума» — на Московском театре // *Киреевский И. В., Киреевский П. В.* Полное собрание сочинений. Калуга, 2006. Т. 2 : Литературно-критические статьи и художественные произведения. С. 74—75.

²⁶ Письмо И. С. Аксакова к княгине Е. А. Черкасской о лишении его прав редактора и приостановке газеты «День» от 11/12 июня 1862 года / вступ. ст., публ. и коммент. *Д. А. Бадаляна* // Книжное дело в России XIX — начала XX века : сб. науч. тр. СПб., 2022. Вып. 21. С. 281—282.

²⁷ См.: *Бадалян Д. А.* Ю. Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией» // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 41—67.

²⁸ *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи ... С. 321.

²⁹ Там же. С. 322.

³⁰ *Глушковский П.* Фаддей Булгарин в мире идентичностей Российской империи // Славяноведение. 2011. № 2. С. 48.

³¹ Там же. С. 51.

³² Письма Ф. В. Булгарина к Р. М. Зотову / публ. *А. И. Рейтблата* // Лица : биограф. альм. М. ; СПб., 1995. Вып. 6. С. 403.

³³ Там же. С. 394.

³⁴ Там же. С. 403.

³⁵ Более всего примеров на этот счет представляет жизнь Булгарина в лифляндском имении Карлове, приобретенном им в 1828 г. По этому поводу М. Салупере пишет: «В замкнутом кругу остзейского дворянства не любили пришельцев вообще, особенно русских дворян, к которым принадлежал Булгарин. Как он ни старался, но своей имматрикуляции в местное рыцарство добиться не смог. Наоборот (<...> его даже пытались выжить)» (*Салупере М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее* : сб. ст. Таллин, 2000. С. 146).

³⁶ См. о нем: *Абдуллаев Е. В.* «Россия, захваченная немцами»: история одной литературной сенсации // *Вопросы литературы.* 2022. № 2. С. 232—252.

³⁷ *Стороженки: фамильный архив* / предисл. *А. Стороженко.* Киев, 1910. Т. 4. С. 259—260.

³⁸ *Булгарин Ф. В.* Сочинения. СПб., 1836. Ч. 3. С. 271.

³⁹ Неслучайно и Булгарин стремился подчеркнуть в этом государственном деятеле схожие качества. Он утверждал, что Сперанский «человечество ставил выше отечества» и сам «был человек истинно европейский» (*Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Мемуарные очерки. М., 2021. Т. 1. С. 597—598).

⁴⁰ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни ... С. 442.

⁴¹ А. А. Краевский — Д. П. Руничу // *Русская старина.* 1893. Т. 80, ноябрь. С. 326.

⁴² Н. И. Греч — Д. П. Руничу // *Русская старина.* 1893. Т. 80, ноябрь. С. 323.

⁴³ *Корф М. А.* Смерть графа Сперанского, 1839 год // *Русская старина.* 1893. Т. 80, ноябрь. С. 319.

⁴⁴ *Бычков И. А.* Несколько данных к истории книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» // *Русская старина.* 1902. Т. 109, январь. С. 141.

⁴⁵ Печать книги была закончена в сентябре 1861 г., однако уже в декабре того же года Корф выпустил, как пишет И. А. Бычков, «исправленное ее издание» (*Бычков И. А.* Несколько данных к истории книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» ... С. 146).

⁴⁶ В данном случае в роли цензора издания выступил граф Д. Н. Блудов, а в важнейших его частях — Александр II (*Бычков И. А.* Несколько данных к истории книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» ... С. 145). Отметим, что с личного разрешения монарха выходили лишь очень немногие издания, например, «История государства Российского» Н. М. Карамзина, увидевшая свет в 1818—1829 гг.

⁴⁷ Корф не раз выполнял поручения, обычно даваемые придворному историографу. Об этой его деятельности И. В. Ружицкая пишет: «В течение длительного времени Корфу принадлежала монополия на разработку сюжетов, так или иначе связанных с историей императорского дома и государственной политикой. Все рукописи, затрагивающие эту область, неизбежно должны были пройти через его руки» (*Ружицкая И. В.* Барон М. А. Корф — историк : по материалам его архива. М., 1996. С. 52).

Отметим, что после выхода в свет в 1861 г. «Жизни графа Сперанского» у ее автора остались неизданные главы и документы, небольшая часть которых была передана Корфом в печать в 1867 г. (Из бумаг о графе Сперанском, в дополнение к его «Жизни», изданной в 1861 году // *Русский архив.* 1867. № 3. Стб. 432—455), а основной их массив увидел свет лишь спустя годы после его смерти: Достопамятная черта

в частной жизни Сперанского. Из письма графа М. А. Корфа к издателю «Русского архива» // *Русский архив*. 1884. № 5. С. 55—57; К биографии графа М. М. Сперанского. Материалы. Заметки барона М. А. Корфа : (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1902. Т. 109, февраль. С. 283—306; [*Корф М. А.*]. Деятели и участники в падении Сперанского: неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа: (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1902. Т. 109, март. С. 469—508; Ссылка Сперанского в 1812 году : (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1902. Т. 110, апрель. С. 5—44; Пребывание Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми: (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1902. Т. 110, май; С. 231—249; Сперанский в Великополье и Пензе: (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1902. Т. 110, июнь. С. 467—486; Т. 111, июль. С. 45—59; М. М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург : (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1902. Т. 112, октябрь. С. 35—56; [*Корф М. А.*]. Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского: неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа : (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // *Русская старина*. 1903. Т. 113, январь. С. 5—36; февраль. С. 211—234.

⁴⁸ *Корф М. А.* Смерть графа Сперанского, 1839 год ... С. 318.

⁴⁹ Их разделяла принадлежность к разным придворным партиям и личная неприязнь. Корф интриговал против Уварова, надеясь занять его место. В дневнике от 20 апреля 1848 г. Корф с едкостью отзывался об уваровской формуле «Православие. Самодержавие. Народность» (ГАРФ. Ф. 728. Д. 1817. Ч. 11. Л. 187 об.—188). Об иных его выпадах против Уварова см.: *Ружицкая И. В.* М. А. Корф и его дневник // *Корф М. А.* Дневник за 1838 год. М., 2017. С. 12.

⁵⁰ См. о нем: *Гринченко Н. А.* История Комитета 2 апреля 1848 г. в документах // *Цензура в России: история и современность* : сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 224—246. В своем дневнике и записках Корф не скрывал, что главной целью этого Комитета являлся министр Уваров. Так, в дневнике он писал: «Уварова преследуют со всех сторон. Мало того, что наш Комитет еженедельно громит его замечаниями и поручениями, явно свидетельствующими перед государем слабое и худо руководимое действие его управления; теперь принялся за него еще и князь Суворов» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 203). В воспоминаниях же Корф признал, что пока Уваров стоял во главе Министерства народного просвещения, «цель и надобность особого тайного надзора оправдывались тем, что министр утратил прежнее к нему доверие государя» (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 430).

⁵¹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 148 об.

⁵² Там же. Л. 149.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ М. К. Лемке, не зная о разговоре, состоявшемся между Корфом и Орловым, решил, что «Булгарин удостоился получить от графа Орлова материалы для статьи о Сперанском», и включил эту статью в свои воспоминания (*Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.: по подлинным делам Третьего

Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. М., 2014. С. 340).

⁵⁶ *Булгарин Ф. В.* Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение ... С. 551.

⁵⁷ *Булгарин Ф. В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. 13 марта (№ 58). С. 230—231.

⁵⁸ Там же. С. 230.

⁵⁹ *Булгарин Ф.* Воспоминания Фаддея Булгарина // Библиотека для чтения. 1848. Т. 88, № 6, отд. I. С. 184—198.

⁶⁰ *Булгарин Ф. В.* Воспоминания Фаддея Булгарина: отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1848. Ч. 5. С. 306—344.

⁶¹ Такие же упреки в адрес Булгарина прежде публично высказывали А. Ф. Воейков, П. А. Вяземский, Н. Ф. Павлов и др. (см.: *Рейтблат А. И.* Комментарии // Булгарин Ф. В. Воспоминания. Мемуарные очерки. М., 2021. Т. 2. С. 259—260). Сам Булгарин дважды пытался оспорить эти обвинения в «Воспоминаниях» (*Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Мемуарные очерки ... Т. 1. С. 48, 536). Уже после его смерти Корф в «Жизни графа Сперанского» поместил подробное опровержение рассказов Булгарина «о доверии и уважении к нему Сперанского, о внимании, которым последний удостоивал его, о частных их откровенных разговорах, особенно при прогулках, и пр.». При этом он приводил слова дочери сановника Е. М. Фроловой-Багреевой и его ближайшего помощника, а в то время сенатора К. Г. Репинского (*Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 105—106). Позднее и М. Н. Лонгинов заявлял: «Довольно известна слабость покойного Булгарина публично кичиться дружбою или благосклонностию к нему умерших известных людей» (*Лонгинов М. Н.* Письмо к редактору // День. 1864. 17 октября (№ 42). С. 19).

⁶² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 208.

⁶³ Там же. Л. 208 об.

⁶⁴ *Корф М. А.* О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского // Русский инвалид. 1848. 24 июня (№ 138). С. 549—551.

⁶⁵ Там же. С. 549.

⁶⁶ Намек на публикацию Корфа в газете «Русский инвалид».

⁶⁷ Бальтазар Бальтазарович Кампенгаузен (1772—1823) — барон, экономист, писатель, участник кружка Сперанского, в котором готовился план государственных реформ, в 1811—1823 гг. государственный контролер.

⁶⁸ С.Петербургские сенатские ведомости. 1816. 9 сентября (№ 37). С. 364. Позднее указ Александра I Правительствующему Сенату от 30 августа 1816 г. был опубликован в книге Корфа «Жизнь графа Сперанского» (СПб., 1861. Т. 2. С. 119). За консультации по этому вопросу автор благодарит Т. В. Андрееву, Т. Ю. Борисову и Д. Н. Шилову.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 24. Л. 3—6. Копии этой записи: 1) приложенная Корфом к его дневнику 1848 г. (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 57—60 об.); 2) выполненная позднее для Н. К. Шильдера, вероятно, с бумаг Корфа (ОР РНБ. Ф. 859. К. 30. Д. 1. Л. 165—168). По последней копии подготовлена (с некоторыми неточностями) публикация А. И. Рейтблата «Критика М. А. Корфом воспоминаний Ф. В. Булгарина

о М. М. Сперанском и ответ Булгарина» // *Булгарин Ф. В. Воспоминания. Мемуарные очерки ...* Т. 2. С. 208—210.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 208.

⁷² Уже при Александре II, в августе 1855 г., III отделением была предпринята попытка выяснить формальные основания покровительства, оказываемого издателям «Северной пчелы» этим учреждением. Однако никаких документов, свидетельствующих о соответствующем распоряжении Николая I Бенкендорфу, обнаружено не было (*Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение ...* С. 605).

⁷³ Фаддей Венедиктович Булгарин, 1789—1859 // *Русская старина*. 1871. Т. 4, ноябрь. С. 522.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2128. Л. 8.

⁷⁶ Там же. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 24. Л. 13—13 об.

⁷⁷ Там же. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2128. Л. 9.

⁷⁸ Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века : биобиблиогр. справ. / *О. Ю. Абакумов* [и др.] ; редкол.: *В. Р. Фирсов* [и др.]. СПб., 2013. С. 267.

⁷⁹ Там же. С. 223.

⁸⁰ *Корф М. А.* О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1848. 1 июля (№ 144). С. 575—576.

⁸¹ Во фразе «Лица белого духовенства обыкновенно имеют у нас особые прозвания или фамилии тогда только, когда...» цензор изменил «обыкновенно» на «иногда». А в отношении к Сперанскому обороте «прежний черкутинский церковник» вместо последнего слова вставил «священник» (*Критика М. А. Корфом воспоминаний Ф. В. Булгарина о М. М. Сперанском и ответ Булгарина ...* С. 210).

⁸² Там же. С. 211.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Корф М. А.* О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского // *Санкт-Петербургские ведомости ...* С. 575.

⁸⁵ *Критика М. А. Корфом воспоминаний Ф. В. Булгарина о М. М. Сперанском и ответ Булгарина ...* С. 214.

⁸⁶ Там же. С. 213.

⁸⁷ Там же. С. 212.

⁸⁸ Северная пчела. 1848. 17 июля (№ 158) С. 629—630 ; 20 июля (№ 160). С. 637—638.

⁸⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 1948. Л. 6.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 82—91.

⁹¹ Опубликованы вместе с текстом Булгарина: *Критика М. А. Корфом воспоминаний Ф. В. Булгарина о М. М. Сперанском и ответ Булгарина ...* С. 212—223.

⁹² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. Л. 208 об.

⁹³ *Акимова Н. Н.* Булгарин как мемуарист // *Булгарин Ф. В. Воспоминания. Мемуарные очерки ...* Т. 1. С. 33.

⁹⁴ *Ф. Б. [Булгарин Ф. В.]. Журнальная всякая всячина: (письмо к А. Н. Г-чу, в Заманиловку, близ Парголова) // Северная пчела. 1849. 28 июня (№ 141). С. 561—562 ; 30 июня (№ 142). С. 565—566.*

⁹⁵ *Акимова Н. Н. Булгарин как мемуарист ... С. 33.*

⁹⁶ *Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение ... С. 380, 430, 525.*

⁹⁷ Там же. С. 525.

⁹⁸ *Возман В. М. Пушкин и Николай I: исследование и материалы. СПб., 2019. С. 40, 252.*

⁹⁹ *Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение ... С. 542—548.*

¹⁰⁰ *Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 143.*

¹⁰¹ Там же. С. 152.

¹⁰² *Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение ... С. 577, 592.*

¹⁰³ *Корф М. А. Жизнь графа Сперанского... Т. 1. С. 161.*